

Глава Дос

Разговор по душам (шутка случайна!) не задался. Едва я принялся за сопляка всерьёз, как он сломался. Его ментальная истерика была такой громкой, что я всерьёз прикинул, не проще ли вовсе выкинуть его из головы. Однако кое-чем эльфийская размазня поделиться успела: унаследованное мной тело носило имя Атананиэль, а сестрицу звали Лютиэной.

Не слишком-то ценная информация. Мог бы поведать, куда меня занесло, например. Или почему в его книгах написана такая чушь.

Да, пока я пытался разговорить не шибко довольного новым положением Атананиэля-младшего (прозвище временное), я пролистал парочку книг. Они были изрядно помяты — почти как будто на них кто-то изрядно потоптался. Атананиэль-младший (прозвище временное) плохо заботился о своих сокровищах. Впрочем, было бы о чём заботиться!

Практически все символы напоминали уродливые подобию себя. Растянутые, потёкшие, они пучились лишними выступами или щеголяли срезами там, где должны находиться нужные части.

Я присмотрелся к формации призыва. Большая часть рун представляла с собой помесь из знакомых мне начертаний и уродливого непотребства из книг. К тому же в этих глубоко ученических трактатах ни слова не было упомянуто о действительно важных вещах: о том, что нужно осуществить перед призывом, или как держаться рядом с демоном. Вместо этого там красовалась малопонятная классификация, поверх которой убористым почерком теснились нечитаемые заметки.

Ничего удивительного, что жизнь у парня — сплошной бардак. Не умеешь организовать пространство для изучения магии, изволь заплатить за это свободой. Мысль вернула мне хорошее настроение. Приятно ощущать себя частью великого равновесия вселенной!

Лучше только это равновесие возглавлять.

Тем не менее убогая писанины доморощенного демонолога грозила отравить чудом обретенное счастье. Я пошвырял подобранные книги в стену. Плохо скреплённые, они обернулись ураганом страничек, прежде чем упокоиться на полу.

Я задумался, что делать со странной болью в животе. Она что-то напоминала. Что-то зловещее, мрачное, нечто, что притаилось в глубине памяти, не желая всплывать...

Скрипнула позабытая дверь, и на пороге встала миниатюрная девушка в изощрённом чёрно-белом костюме. Примечателен был костюмчик тем, что при кажущейся скромности — ворот под горло, рукава лижут запястья, платье до пят — фигуру он облегал преизрядно.

Увидев меня, девушка смутилась. Увидев её, я заинтересовался.

— Дриада, полагаю? — пробормотал я, изучая её зеленоватые волосы и смоляные глаза, лишённые белков.

— Я не вовремя, мастер?

Служанка сделала попытку удалиться, но я остановил её взмахом руки. Прелестный румянец, запылавший на её щеках, захватил меня.

— Нет-нет, тут надо бы прибраться. Последний эксперимент, — я покрутил головой, озирая руины комнаты, — окончился огромным успехом, но за любой успех нужно платить.

От девушки всё ещё исходили потоки смущения, непонимания, опаски, но моя нелепая отговорка слегка успокоила её. Более того, ощутимо обрадовалась. Довольна моими достижениями?

Она прошла вперёд, и я ухватил её за ладонь, притянул к себе и наклонился, чтобы прошептать на ухо:

— Такой чудесный день, прелестное дитя, а ты ходишь в одежде? Разве этим славятся дриады? Вы, чудесницы, что заманивают путников в ваши озёра нагими телами и топят глупцов, — разве пристало носить вам эти тряпки?

От девушки слабо пахло цветочными духами и сильно — тревогой. Тонкая голубая жилка на её шее пульсировала беззащитно и притягательно. Имей я пристрастие к

плоти разумных, не устоял бы перед искушением... но я милостивый демон и потерял интерес к таким развлечениям уже во время первого пребывания на плане смертных. И к тому же... живот забурчал, и я вспомнил.

Вспомнил, что означает боль там.

Еда.

Смертным нужна еда, чтобы жить.

Какое... убожество! Отвратительная дань природе! И если процесс насыщения ещё можно пережить, то вот то, что происходит после, — попросту омерзительно!

Я едва не сбросил эльфа, когда нахлынули воспоминания. Неудивительно, что я засунул их в самые глубокие тайники памяти.

Дриада попыталась вырваться, но я держал крепко — в основном из принципа, поскольку потерял изрядную долю интереса к ней. Я горевал.

— Мастер, вы голодны? Скоро обед, мастер, прошу вас, переоденьт... оденьтесь и проследуйте в обеденную. Скоро подадут.

Её прерывистое дыхание вырвало меня из плена печали. Взвесь её эмоций — взволнованности, сочувствия, страха, пробуждающейся злобы и непонимания — наполнила бодростью.

Я принял к девушке, вдыхая лес после грозы, утро в туманных горах, вечер над мёрзлым озером. В волосах шумели кроны тысячелетних деревьев. Образы проникали в меня, пробуждали позабытое, подпитывали тягу остаться среди смертных.

Я прижал дриаду к себе, наслаждаясь теплом её тела сквозь униформу служанки. Вспомнить бы положение... одну ладонь на бедро, уютно-крутое, вторую... нет, кажется, на спину?.. что-то с затёжками. Быстрее бы вспомнить, как я управлялся с этим раньше!

Служанка продолжала лепетать:

— Вы ещё не совершеннолетний, вы не освободились... вы не можете, это опасно, помните? Вы обязаны помнить, не выбили же из вас эти занятия весь здравый смысл?

Концовка сбивчивой речи утонула в море чистого сомнения.

Интересно, у здешних эльфов принято позволять детям играть со слугами? А впрочем, какое мне дело...

Наивная дриада ещё говорила, полагая, что слова могут остановить меня. Но я, воодушевлённый пришедшими образами и податливостью её тела, пресёк возражения поцелуем.

Мрак её глаз притягивал. Сладость губ её нежных кружила голову. Тепло её рук, в какой-то момент переставших отталкивать меня, распалило желание.

Конечно, как бесполой демон, я отлично отдавал себе отчёт, как нелепо происходящее выглядит со стороны. Мной вела не глупая похоть, растущая из инстинкта размножения. Я следовал за огненным клубком эмоций, подпитывая его в дриаде, наслаждаясь им, и попутно пробуждал образы, затерянные под вековым прахом Эфирия.

Хорошо, вдобавок ко всему меня вела похоть. Я ведь всё-таки в смертном теле. Почему нет?

Каждое мгновение было подобно рождению россыпи звёзд. Зачем мне память эльфа-размазни, если я должен пробудить свою? Вспомнить, что знал о плане смертных, о том, как вести себя, о том, как...

Не хватало дыхания. Сердце устало сидеть взаперти и билось о грудную клетку: выпусти, выпусти! Служанка прикусила меня за нижнюю губу — восхитительная боль! Я вернул ей этот дар, и наша боль смешалась в общем рту, впитанная общим языком.

Рука на бедре потянула платье вверх. Вторая, заведённая за спину по забытой причине, скользнула по плечу к ключицам и поползла ниже. Но тут измотанные лёгкие объявили, что больше не могут, — и магический момент был упущен. Я невольно разорвал связь, глотнул воздуха, и этого хватило, чтобы дриада опомнилась. С тихим воплем она отскочила от меня и прижалась к стене. Она жадно и часто дышала, прижав ладонь ко рту — не то хотела вытереться, не то удерживалась от крика.

— Вы!.. Ты!..

В её голосе звенела догадка, смешанная с ужасом. По коже пробежалось шелковистое касание невидимого пера. Что это, магия? Но магия так не работает! И это не походило

на типичное для дриад очарование. Я напрягся, поняв, что меня, скорее всего, раскрыли и девушку придётся убить, — а затем всех остальных обитателей особняка. Вряд ли они позволят мне уйти добровольно. Что ж, плата за импульсивность.

Но ужас сменился волной облегчения.

— Нет... вы, нет... вы не... вы просто сошли с ума, — наконец выдохнула она. А затем облегчение уступило ярости.

— Что вы себе позволяете! Вы! Вы извращенец!

— Что извращённого в том, чтобы поцеловать красивую девушку? — улыбнулся я. Её поведение было до того хаотичным и непредсказуемым, что начинало веселить. — Я-то полагал, что в какой-то момент это превратилось в обоюдное развлечение. Насколько я в курсе особенностей дриад, вы никогда не прочь...

— Замолчите! Немедленно! И надейтесь, что никто, — девушка многозначительно обвела комнату взглядом, — никто не расскажет мисс Лютиэне о том, что тут произошло.

А сестра-то тут при чём? Не думал, что весть о моей неудавшейся шутке доберётся до местных, да ещё так быстро. Более того, что они всерьёз начнут строить из нас парочку.

Служанка меж тем совершенно пришла в себя и теперь оглаживала платье. Сквозь плотную завесу злости и испуга пробивался тонкий лучик удовольствия, подкрашенный синеватой каймой разочарования с примесью, как ни странно, ответственности. Постигание смертных — особое искусство, и учиться ему придётся, по всей видимости, с нуля.

Хорошо, что это не мешает впитывать эмоции.

Дриада смело уставилась мне в грудь, ненароком перевела взгляд ниже и рывком подняла его, встретившись с моим взглядом.

— Оденьтесь, а я тут пока приберусь.

Я почесал затылок и с неохотой признал, что одежда в обществе смертных — необходимость. Не всегда меня будут окружать служанки-дриады и сумасшедшие эльфы, позволившие своему родичу заниматься демонологией.

— Что-то в голову дало, — сказал я, — мысли смешались. Немудрено, я едва не задохнулся... Напомни, где моя комната?

— Следующая дверь от кабинета. А кабинет здесь, — добавила она, для верности притопнув каблучком. На её лицо вновь набежала тень сомнения. — Говорите, временное помрачение рассудка? Пожалуй, правдоподобно. Ваши занятия... и не до того могут довести. Но...

Она не закончила. Я направился к выходу, однако служанка окликнула меня.

— Где вы научились целоваться, мастер?

— Сплошное наитие, — запрокинув голову, сказал я.

— Вот как...

Я уже держался за дверную ручку, когда девушка вновь подала голос.

— А где же благодарность?

Я недоумённо моргнул и развернулся к ней.

— За что?

— За поцелуй! Можно без цветастых речей, хватит и простого спасибо.

Теперь она стояла, подбоченившись и вскинув подбородок, и в её антрацитовых глазах бурлил вызов.

Да что это с ней? Все дриады в этом месте такие или только эта? Требовать что-то от своего господина...

Наказывали ли тут нерадивых слуг плетями? Лишали жалованья? Убивали за непокорность? Откровенно говоря, искорка раздражения, зародившаяся в груди, требовала последнего.

Но я же милостивый демон.

Просто не любил говорить спасибо.

Да и какой демон в здравом уме станет благодарить за что-то, что он, по существу, взял силой?

Молчание накалялось. Губы безымянной дриады, мягкие, тёплые, вкусные губы, сомкнулись в требовательном ожидании. Её окружал тонкий ореол злости, но основной эмоцией была решимость — готовность к чему? Этого я не понимал.

На миг мне показалось, что она набросится на меня, если я не поблагодарю её.

Я бы справился с ней, но так не вовремя вспомнился Карниван... если он помчался за мной и оказался неподалёку, то ощутит, как ткань пространства меняется под действием *воли*. А иных способов перебить обитателей этого местечка я пока не видел.

К тому же зачем мне убивать кого бы то ни было? Дриада не нанесла урона моей гордости. Я вышел из нашей встречи обогатившимся, а значит, мог позволить себе снисходительность. И вообще, пора бы завязывать с мыслями об убийствах. Я же хотел влиться в общество. Я даже собирался одеться. Чего стоит простая благодарность?

Слово встало в горле тугим комом, и стоило больших усилий протолкнуть его наружу.

— Спасибо.

Напряжение покинуло служанку, и она улыбнулась — улыбка шла ей лучше хмурой физиономии.

— Вот и отлично!

Пока она не придумала ещё какой-нибудь глупости, я выскочил из комнаты. Само собой, сохраняя непоколебимый и благородный вид.

Моя личная комната хранила отпечаток необжитости. Одинокий шкаф, узкая кровать (и как парень помещался в ней со служанками?) да полупустой комод — вот и всё убранство. Голые стены удручали. От двери к постели на полу была прочерчена дорожка в пыли. Атананиэль-младший (прозвище временное) редко утруждал себя призывом слуг для уборки.

Видать, у парня была одна цель в жизни — стать демонологом. И шёл он к ней с упорством, заслуживавшим признания. Жаль, что при этом он был туп, как высушенная селёдочная голова.

С одеждой пришлось повозиться. Раньше я предпочитал свободные халаты, опоясывавшиеся шёлковыми лентами. Ничего похожего у эльфа не водилось. Куча камзолов с десятками пуговиц, брюки с хитрыми застёжками, туфли, державшиеся на причудливой системе шнуровки — я, как демон, испытывал к этим порождениям цивилизации глубочайшее презрение. С трудом получилось отыскать среди тряпья кое-что сносное: рубаху, штаны на подвязках да брюки. Потом, поразмыслив как следует, порылся и добавил к находкам нижнее бельё и носки.

Увы, некоторые места смертного тела нежнее прочих, и за свою долгую жизнь мне доводилось испытывать последствия... *натирания*.

Как кстати подвернулась дриада! Без неё процесс вспоминания запустился бы с куда большим трудом.

Само одевание заняло целую кучу времени. Спихивать с себя одежду куда быстрее, чем впервые за сотни лет вспоминать, в какой рукав и в каком порядке что совать.

Когда я вернулся обратно в кабинет, чтобы проведать, как справляется служанка и, возможно — только возможно! — продолжить изучать с ней возможности нового тела, то обнаружил, что мелкая дрянь уже смылась. Хуже того, она восприняла приказ приступить к уборке с ретивостью, которую от свободолюбивых созданий ожидать нельзя.

Кабинет был девственно чист. И я не о том, что в нём не было ни одной девы — хотя, проклятье, это облегчило бы боль.

Кабинет был пуст. На выскобленном полу — ни намёка на пентаграмму. На стенах ни следа копоты от воскуриваний. Ни единого листочка от книг, ни единой щепочки от переломанной мебели. Ничего.

Вот чему она радовалась! Позволению убратся — и, разумеется, уборка в логове демонолога для дриады означала его уничтожение.

Я почувствовал лёгкую злость. Конечно, ничего особо ценного в записях полудурка не содержалось. Он даже не сумел правильно нарисовать руны, в конце-то концов! Но ингредиенты и пентаграмма могли пригодиться впоследствии.

Но долго злиться — не в моих правилах. Когда я повстречаюсь с этой дриадой, то как-нибудь накажу её, а пока — прочь из моей головы. Пора приступить к следующему этапу только что сформированного плана. Иными словами — поглощение пищи для того, чтобы поддержать смертную тушку, и социализация с аборигенами.

Один коридор сменялся другим, лестница шла за лестницей, и конца-края этому зачарованному хаосу видно не было. Я совался во все двери, надеясь, что какая-нибудь выведет к обеденному залу или, на худой конец, на кухню, но надежды были тщетны. Слуги тоже не попадались. Это до щекотки напоминало родные просторы Эфирия: структуры, возведённые без смысла и цели, исчезающие, едва переводишь с них взгляд.

Когда я стал прикидывать, какое направление выбрать, чтобы начать выбивать дыры в стенах, очередной заворот вывел меня к неприметной дверце. Толкнув её, я понял, что за ней скрывался внешний мир.

Одуряюще пахло цветами. Тихо шелестела листва. Солнце, заслонённое кроной дерева, разбилось россыпью золотых осколков. Я шагнул наружу и потянулся.

Есть совсем расхотелось.

Можно стянуть мешающие ботинки и пройтись босиком по высокой траве, а затем отбросить эту сковывающую рубаху и!..

Я одёрнул себя. Незачем увлекаться и вечно идти на поводу у инстинктов.

И всё же полностью противиться манящему зову этого беспорядочного постоянства, что зовётся природой, оказалось невозможно. Следуя за трелями птиц, я удалился от особняка на приличное расстояние — кусты и деревья полностью закрыли его от меня.

А потом я услышал голоса. Они приближались.

Естественно, я и не подумал прятаться. Я на своей земле и в своём праве. Скорее всего. Наверное.

Это были гномы. Два гнома. Два пьяных гнома — хотя, пожалуй, последнее уточнение излишне. Эти коротышки рождаются со жбаном пива в толстых ручках.

Так вот, два гнома плелись, схватив друг друга за плечи и распевая осипшими голосами какую-то несусазицу. Я не люблю общаться с пьяными, когда трезв сам, поэтому решил

оставить их продолжать своё нехитрое занятие. Однако, завидев меня, левый гном захихикал и ткнул правого в бок, отчего правого едва не вырвало.

— Это ж Полудурок. Глянь, Эбб, Полудурок выбрался подышать воздухом!

Правый с трудом сфокусировал разъезжающиеся глаза на мне.

— И впрямь, Абб. А хре-хре-хрен ли Полудурок тут забыл? Бесов ищет? — прохрипел он и загоготал.

Похоже, я ослышался. Надо прояснить ситуацию, пока моё заблуждение не привело к их смерти.

— Как вы, два мешка рыбьих отбросов, забытые своими блудливыми мамашами на пирсе под полуденным солнцем, меня назвали?

— Ч-что?! — в унисон завопили оба гнома, мгновенно протрезвев.

А трезвели гномы только в одном случае — когда предстоял мордобой.